СВЯТЫЕ
КИРИЛЛЪ И МЕѲОДІЙ,

СЛОВЕНСКІЕ ПЕРВОУЧИТЕЛИ.

М. П. ПОГОДИНА.

МОСКВА.
Въ типографіи Русскихъ Вѣдомостей.
1863.

Дозволено цензурою. Москва, 10-го сентября 1863 года.

Македонія, одна изъ западныхъ областей греческой, нынѣ турецкой имперіи, была заселена издревле, какъ и теперь, словенами, облегающими со всѣхъ сторонъ главной ея городъ, Селунь, нынѣ Θессалоники. Въ половинѣ девятаго столѣтія по Рождествѣ Христовѣ, помощникомъ военачальника селунскаго былъ нѣкто Левъ, уважаемый въ странѣ за его доблести. Онъ имѣлъ семерыхъ сыновей, изъ которыхъ младшій, Константинъ, родился въ 827 году и былъ любимцемъ матери.

По осмому году увидѣлъ Константинъ, какъ повѣствуется въ его современномъ житіи, сонъ, пересказанный имъ родителямъ: «градоначальникъ собралъ всѣхъ нашихъ дѣвицъ, и велѣлъ мнѣ выбрать себѣ подругу. Одна показалась мнѣ лучше всѣхъ, — она сіяла красотою, въ золотыхъ монистахъ и бисерѣ. Имя ей Софія. (Что значитъ мудрость). Ее и выбралъ я».

Родители сказали ему: «будь же она тебѣ подругою навсегда: сіяетъ премудрость паче солнца, съ нею избавишься ты отъ многихъ золъ въ жизни.»

Ребенокъ, отданный въ ученье книжное, успѣвалъ «памятью и хитростію доброю»,

всѣмъ на удивленіе. Однажды вышли ученики въ поле позабавиться соколиною охотою. Птица Константинова улетѣла и не возращалась. Такъ стало жаль ея дитяти, что два дня онъ не пилъ и не ѣлъ, наконецъ опомнился и сказалъ себѣ: что это за радость, если отъ нея печаль происходитъ? Стоитъ ли тратить жизнь на такія заботы! Лучше идти по другому пути.—Онъ принялся за чтеніе. Любимцемъ его сдѣлался Григорій Богословъ. Онъ написалъ на стѣнѣ крестъ, и подъ крестомъ похвалу великому святителю: о Григорій, тѣломъ человѣкъ, а душею ангелъ! Уста твои, яко единъ отъ серафимъ, Бога прославляютъ и всю вселенную просвѣщаютъ правыя вѣры наказаніемъ, тѣмже и мене, припадающа къ тебѣ любовію и вѣрою, прими и буди ми учитель и просвѣтитель.—Такъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ возродилось въ немъ желаніе проповѣдывать Слово Божіе.

По 14 году лишился онъ отца. Прошло нѣсколько времени. Отрокъ углублялся больше и больше въ ученіе, многое казалось ему непонятнымъ, къ великому его прискорбію. Случился въ Селунѣ какой-то путешественникъ, извѣстный своею ученостію. Константинъ побѣжалъ къ нему, упалъ въ ноги, предлагалъ всю свою часть изъ на-

слѣдства, прося со слезами выучить его «художеству грамотическому». Путешественникъ почему-то не могъ удовлетворить его желанія. Единственнымъ средствомъ осталась ему молитва, и она была услышана. юноша продолжалъ заниматься еще съ бо́льшимъ рвеніемъ. Молва объ его прилежаніи и объ его поведеніи распространилась по городу, и царевъ строитель (Логоѳетъ) выписалъ его въ Константинополь для сообщества въ ученіи къ царю Михаилу. Радости Константиновой не было мѣры.

Это случилось послѣ 842 года. Имперіею управляла мать Михаилова, императрица Ѳеодора, съ двумя опекунами, Мануиломъ и Ѳеоктистомъ, который и былъ покровителемъ Константину, вѣроятно по знакомству съ его отцемъ.

Какихъ же учителей въ Константинополѣ имѣлъ счастіе получить себѣ жаждавшій ученія юноша? Фотія, знаменитаго Фотія, перваго ученаго своего времени, впослѣдствіи патріарха, оставившаго славную Библіотеку, одинъ изъ главныхъ источниковъ нашихъ свѣдѣній объ исторіи древняго просвѣщенія.

Другой учитель—Левъ, блюститель церкви ѳессалоникской, учитель философіи и на-

чальникъ особаго училища въ Константинополѣ, славный даже между сарацинами.

Въ короткое время научился онъ «Омиру, и геометріи, и діалектикѣ, и риторикѣ, и ариѳметикѣ, и астрономіи, и мусикіи, и прочимъ еллинскимъ ученіямъ», «болѣ же ученія тихій образъ на себѣ являя».

Логоѳетъ былъ очень доволенъ имъ, разрѣшилъ ему свободный доступъ входить въ цареву палату и далъ власть въ своемъ домѣ. Однажды онъ спросилъ Константина: что есть философія?—Божіимъ и человѣческимъ вещамъ разумъ, отвѣчалъ онъ, въ какой мѣрѣ можетъ человѣкъ приблизиться къ Богу и дѣлами своими уподобиться ему.

Логоѳетъ полюбилъ его еще болѣе, и совѣтывался съ нимъ обо всемъ, несмотря на его молодость; наконецъ предложилъ ему въ супружество дочь свою крестную, прекрасную и богатую, знатнаго рода, обѣщая вскорѣ высокое мѣсто.

«Великъ даръ твой», отвѣчалъ философъ, «для тѣхъ, кто пожелаетъ имъ воспользоваться, а мнѣ ненужно ничего, кромѣ ученія.»

Логоѳетъ, чтобъ удержать его, предложилъ царю дать ему священническій санъ и поручить должность библіотекаря патріаршаго при софійскомъ храмѣ.

Такъ было исполнено, но Константинъ оставилъ вскорѣ службу, и скрылся въ монастырь близь моря, такъ что семь мѣсяцевъ искали его напрасно, наконецъ нашли и убѣдили воротиться въ Константинополь и принять званіе учителя философіи для своихъ земцевъ и странныхъ, на что тотъ согласился. Вѣроятно, по этому поводу и получилъ онъ титулъ философа, который приписывается ему во многихъ памятникахъ, греческихъ и латинскихъ. Философы причислялись въ то время къ придворнымъ званіямъ.

Здѣсь имѣлъ онъ прѣніе по повелѣнію царскому съ патріархомъ Анніемъ, который возставалъ противъ поклоненія иконамъ, и торжественно принудилъ его умолкнуть.

Въ 851 году, когда ему было около 24 лѣтъ, посланъ онъ былъ къ сарацинамъ, по ихъ вызову, для состязанія о вѣрѣ, и возвратился съ побѣдою. (Иные думаютъ, что подъ сарацинами надо разумѣть магометанскихъ булгаръ).

Въ Константинополѣ Константинъ оставался недолго и удалился на Аѳонскую гору, составляющую часть олимпскаго хребта (Олимпъ), «идѣже святіи отцы живутъ». Тамъ жилъ уже и спасался старшій братъ его Меѳодій, оставившій управленіе славянскимъ княжествомъ, вѣроятно

струмскимъ. Оба они уединилися такимъ образомъ отъ молвы, «себѣ только внимая, книгами бесѣдуя, молитвы творя».

Здѣсь-то, вѣроятно, возникла у святыхъ братьевъ высокая мысль содѣйствовать духовному просвѣщенію словенскаго народа, занимавшаго обширныя страны въ Греціи и Булгаріи. «Хотя, большей частью, онъ былъ тогда обращенъ уже въ христіанство, какъ замѣчаетъ Шафарикъ, однако, по недостатку въ назиданіи, возвращался часто назадъ, къ языческой слѣпотѣ, и, сверхъ того, стоналъ, въ Булгаріи, подъ властію иновѣрныхъ государей. Зная хорошо, изъ своихъ путешествій, какую пользу приносилъ родной языкъ въ дѣлахъ вѣры, армянамъ, сирянамъ, коптамъ и другимъ восточнымъ народамъ, которые отличались языкомъ отъ грековъ, и имѣли свои храмы частію даже въ самомъ Цареградѣ, не говоря уже о другихъ народахъ на западѣ, напримѣръ готахъ, Кириллъ и Меѳодій рѣшились сдѣлать участниками этого благодѣянія и самыхъ славянъ». Меньшему брату досталось на долю исполненіе этого дѣла. Съ этой цѣлью составилъ онъ, въ 855 году, славянскую азбуку, совершеннѣйшую въ своемъ родѣ, въ основаніе коей положилъ греческое письмо, прибавивъ къ

нему нѣсколько, отчасти новыхъ, отчасти же взятыхъ изъ упомянутыхъ языковъ, буквъ.

«Шедъ же философъ по правому обычаю, на молитву ся наложи, и съ инѣми споспѣшники. Вскорѣ же я ему Богъ яви, послушаяй молитвы рабъ своихъ, и тогда сложи письмена, и нача бесѣду писати евангельскую: искони бѣ Слово и Слово бѣ у Бога, и Богъ бѣ Слово», и проч.

Дошла до насъ подъ его именемъ такъ называемая толковая азбука, въ коей каждой буквѣ принадлежитъ особое нравственное изреченіе. Въ нѣкоторыхъ звукахъ слышатся, кажется, первыя молитвы изобрѣтателя:

А. Азъ словомъ симъ молюся Богу. Б. Боже, всея твари зиждителю. В. Видимыя и невидимыя. Г. Господня духа посли живущаго. Д. Да вдохнетъ въ сердцѣ моемъ слово. Е. Еже будетъ на успѣхъ всѣмъ. Ж. Живущимъ въ заповѣдехъ твоихъ. Ѕ. Ѕѣло бо суть успѣшни къ жизни. И. Иже ищетъ евангельска слова. І. І лѣть ти бо нынѣ словеньско племя. К. Къ вознесенію обратишася вси (въ другомъ спискѣ: къ крещенію). Л. Людіе твои нарещися хотяще. М. Милости твоея Боже просятъ зѣло. Н. Но мнѣ нынѣ пространно слово дайже. О. Отче и Сыне и Все-

святый Душе. П. Просящему пища у тебе. Р. Руцѣ свои выспрь въздѣю присно. С. Силу пріяти и мудрость отъ тебе. Т. Ты бо даеши достоинымъ силу. У. Упостась же всю цѣлиши. Ф. Фараоня мя злобы избави. Х. Херувимску ми мысль и умъ подаиже. Ѿ. О честная и всесвятая Троице, печаль мою на радость преложи. Ц. Цѣломудрено начну писати. Ч. Чюдеса твоя предивная. Ш. Шестокрылъ силу въсприимъ. Щ. Ществіе творя послужити учителю. Ъ. Имени его и дѣлу послѣдуя. Ы. Явѣ сътворю евангельское слово. Ь. И хвалу въздаю Троици въ Божествѣ. Ѣ. Яже поетъ всякъ възрастъ. Ю. Юнъ и старъ своимъ разумомъ. Я. Языкъ новъ хвалу въздая присно, Отцу и Сыну и Всесвятому Духу, ему же честь и держава и слава отъ всея твари и дыханія въ вся вѣкы и на вѣкы, аминь.

Болгарскій монахъ Храбръ, жившій вскорѣ послѣ святыхъ братьевъ, такъ описываетъ изобрѣтеніе славянской грамоты:

«Прежде убо словѣне не имяху книгъ, но чертами и рѣзами чьтѣху и гатааху, погани суще. Крестивше же ся, римьскими и гречьскими писмены нуждааху ся писати словѣнску рѣчь безъ устроенія. Но како можеть ся писати добрѣ гречьскими писмены: богъ, или животъ, или ѕѣло, или цръковь,

или чаание, широта, или ядь, или яду, или юность, или языкъ, и инаа подобнаа симъ? и тако бѣша многа лѣта.

«По томь же человѣколюбецъ Богъ, строяи всѣ, и не оставлѣя чловѣча рода безъ разума, но вься къ разуму приводя и спасению, помиловавъ родъ словѣньскъ, посла имъ святаго Костантина философа, нарицаемаго Кирила, мужа праведна и истинна, и сотвори имъ писмена тридесяте и осмь, ова убо по чину гречьскыхъ письменъ, ова же по словѣньстѣи рѣчи. Отъ перваго же начень по гречьску: они убо алфа, а сьи азъ, отъ аза начять обое, и якоже они подобльше ся жидовьскымъ писменемъ сътвориша, тако и сеи гръчьскымъ. Жидове бо пръвое писмя имуть алефъ, еже ся скаженть, учение съвръшающе, вводиму дѣтищу, и глаголюще: учи ся, еже есть алефъ. И греци, подобяще се тому, алфа рѣшя, и сподоби ся речение сказанна жидовьска гръчьскому языку, да речеть дѣтищу въ учениа мѣсто: ищи. Алфа бо ищи речеть ся гръчьскимь языкомь. Тѣмъ бо подобя ся святыи Кирилъ створи первое писмя азъ...

«Се же суть писмена словѣньскаа, сице а подобаеть писати и глаголати: а, б, в, г, и прочая даже до я. И отъ сихъ суть четыры между десятьма подобна гръчьскымъ

писменемъ. Суть же сиа: а, в, г, д, е, з, и, ѳ, і, к, л, м, н, ѯ, о, п, р, с, т, у, ф, х, ѱ, ω, А четыри на десять по словѣньску языку, иже суть сиа: б. ж, ѕ, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ѣ, ю, ѫ, я.

«...Аще бо въпросиши книгъчия греческая, глаголя: кто вы есть писмена створилъ, или книгы прѣложилъ, или въ кое врѣмя? то рѣдьціи отъ нихъ вѣдять. Аще ли въпросиши словѣньскыа букаря, глаголя: кто вы писмена створилъ есть, или книгы прѣложилъ? то вьси вѣдять, и отвѣщавше рекуть: святыи Костантинъ философъ, нарицаемыи Кирилъ, тъи намъ писмена створи и книгы прѣложи, и Меѳодие братъ его, *суть бо еще живи, иже суть видѣли ихъ*. И аще въпросиши: въ кое врѣмя? то вѣдять и рѣкуть: яко въ врѣмена Михаила цьсаря гръчьска, и Бориса князя блъгарьска, и Растица князя моравьска, и Коцелѣ князя блатьньска. Въ лѣто же отъ създанія вьсего мира 6363.

«Такъ разумъ, братие, Богъ есть далъ словѣномъ, емуже слава и честь и държава и покланѣние, нынѣ и присно и въ бесконьчныя вѣкы. Аминь.»

Братья перевели Евангеліе съ Апостоломъ, Псалтирь и избранныя церковныя службы.

Царь предложилъ имъ идти къ коза-

рамъ, занимавшимъ часть Херсописа-Таврическаго, (нынѣшній Крымъ), кромѣ низовьевъ Волги, и просившимъ у него учителей, среди колебаній между іудейскимъ закономъ и магометовымъ.—Пѣшій и босой, безъ всего, готовъ я идти на проповѣданіе Слова Божія, отвѣчалъ ревностный Константинъ. Меѳодій сказалъ также: я готовъ умереть за христіанскую вѣру. Братья отправились въ путь. Этихъ козаръ считаютъ нѣкоторые славянами.

Въ Корсунѣ Константинъ остановился и занялся еврейскими книгами.

Здѣсь имѣлъ онъ счастіе содѣйствовать отысканію у морскаго берега мощей святаго Климента, третьяго, послѣ апостола Петра, папы римскаго, который въ царствованіе императора Траяна въ 101 году по Р. Х. былъ сосланъ въ Херсописъ-Таврическій, жилъ въ инкерманскихъ каменоломняхъ, распространялъ здѣсь христіанскую вѣру и былъ замученъ. Константинъ самъ, кажется, описалъ обрѣтеніе мощей. «Идохомъ до блаженнаго отока... главу Климента видѣвъ первойцы, иже и се есть повѣстникъ, абіе блаженный гласъ возопи», то есть увидѣвъ главу Климента, испустилъ радостный гласъ. Это было 30 января, 861 года. Святыя мощи братья взяли съ собою, а главу оста-

вили въ Корсунѣ, откуда получилъ ее нашъ святый Владимиръ, принявъ тамъ крещеніе, и принесъ въ Кіевъ, гдѣ она хранилась въ Десятинномъ храмѣ, даже до татарскаго опустошенія.

Есть еще свидѣтельство, что Константинъ нашелъ въ Корсунѣ евангеліе и псалтирь, писанныя «рускыми письмены». Одни изслѣдователи разумѣютъ подъ ними готскія письмена, (готовъ обитало тогда еще много въ Крыму), другіе считаютъ извѣстіе позднѣйшею вставкою.

Изъ Корсуна, сѣвъ въ корабль, отправился онъ по козарскому пути на Меотиское озеро и чрезъ каспійскія врата кавказскихъ горъ прибылъ къ кагану козарскому.

Нѣсколько дней продолжались ихъ искреннія бесѣды, въ присутствіи евреевъ, за обѣдами и по вечерамъ.

Со славою разрѣшилъ Константинъ всѣ недоумѣнія кагана, и опровергнулъ всѣ возраженія евреевъ, объяснилъ пророчества. Двѣсти человѣкъ изъ слушателей крестились, съ разрѣшенія каганова. Наставленіями своими Кириллъ вообще успѣлъ, что каждому дозволено было обращаться къ христіанской вѣрѣ, а жившимъ тамъ грекамъ

запрещено подъ смертною казнію принимать іудейство или мусульманство.

Каганъ хотѣлъ одарить проповѣдника дарами многими, но философъ не принялъ ничего, испросивъ только свободу плѣннымъ грекамъ, которыхъ оказалось двадцать.

Возвращаясь безводными мѣстами, онъ ощутилъ однажды сильную жажду. Находимая вода была какъ жолчь.—Братъ, сказалъ онъ Меѳодію, Богъ преложилъ израильтянамъ горькую воду въ сладкую: Онъ сотворитъ и намъ такую утѣху, почерпни здѣсь воды, — вода оказалась сладкою, какъ бы съ медомъ, и студеною; они прославили Бога.

Въ Корсунѣ вечеряя съ архіепископомъ, Константинъ пожелалъ получить отъ него себѣ молитву, и спросившимъ его о причинѣ такой просьбы, объявилъ, что архіепископъ на утро скончается, что и сбылось.

Близъ города Филлы, на томъ же полуостровѣ, былъ огромный дубъ, сросшійся съ черешнею, предъ которымъ приносились жертвы. Константинъ отправился туда и началъ упрекать жителей, зачѣмъ они кланяются бездушному дереву.—Не мы начали кланяться, отвѣчали они, такъ предали намъ отцы, мы получаемъ за то исполненіе своихъ молитвъ, особенно дождь.—Познайте

Бога, сотворшаго небо и землю, а древо посѣките и огнемъ сожгите. Вотъ евангеліе новаго завѣта Божія.—Старѣйшины и люди приложились къ евангелію, и со свѣщами пошли къ дереву, поюще; философъ ударилъ сѣкирою тридцать три раза, за нимъ послѣдовали и всѣ прочіе, и въ ту же ночь излился дождь. Во всѣхъ этихъ подвигахъ Меѳодій служилъ меньшему брату какъ рабъ. Одинъ дѣйствовалъ молитвою, другой проповѣдію.

Возвратившись въ Константинополь, философъ водворился въ церкви святыхъ апостолъ. Тамъ объяснилъ онъ одну таинственную надпись на потирѣ, хранившемся въ храмѣ св. Софіи, въ коей заключалось пророчество о Христѣ отъ двѣнадцатаго лѣта царства Соломонова до Христа, 909 лѣтъ. Меѳодію царь съ патріархомъ предлагали санъ архіепископа, но онъ отказался, и принялъ игуменство въ монастырѣ Полихронѣ.

Молва о трудѣ святыхъ братьевъ разносилась повсѣмъ окрестнымъ странамъ. Славяне слушали съ восторгомъ Слово Божіе на своемъ языкѣ. Съ Аѳона, который тогда уже былъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ жаждавшихъ спасенія, извѣстіе распространилось повсюду. Дунай, заселенный по обоимъ берегамъ славянскими

племенами отъ устья почти до верховья, послужилъ естественнымъ путемъ сообщенія, и достигъ до моравскихъ князей, которые, получивъ христіанство отъ латинскихъ проповѣдниковъ, оставались однакожь въ совершенномъ недоумѣніи касательно новаго ученія, не понимая ничего полатинѣ. Они рѣшились просить императора Михаила о помощи. «Люди наши отверглись поганства и взялись за законъ христіанскій, а нѣтъ у насъ учителя, который бы намъ въ свой языкъ истую вѣру христіанскую сказалъ, и привлекъ бык-ъ намъ иныя страны. Влахи, греки, нѣмцы, учатъ различно, а мы словени, простая чадь. Дай намъ мужа, который исправилъ бы намъ всякую правду.»

Императоръ Михаилъ, съ патріархомъ Фотіемъ, собравъ соборъ, призвалъ Константина философа и сказалъ ему: Слышишь ли философъ рѣчь сію? Некому совершить это великое дѣло кромѣ тебя. Возми брата своего, игумена Меѳодія, и отправляйтесь въ путь: вы селуняне, а селуняне всѣ чисто по словенски бесѣдуютъ.

Константинъ, избравъ нѣсколько человѣкъ, одинакаго съ ними духа, ялся пути моравскаго. Меѳодій послѣдовалъ ему, служа меньше мубрату по прежнему. Императоръ по-

слалъ съ ними грамату къ славянскимъ князьямъ: «Богъ, иже велить всякому, дабы въ разумъ истинный пришелъ, и на большой ся чинъ стежаль... явль буквы въ вашъ языкъ, его же не бѣ дано было, токмо въ первая лѣта, да и вы причтетеся велицѣхъ языцѣхъ, иже славять Бога своимъ языкомъ. И пути послахомъ того, ему же я Богъ яви, мужа честна и благовѣрна, книжна зѣло и философа, и се приими даръ болии, честнѣи паче всего злата и сребра, и каменья драгаго и богатьства преходящаго... и поиди съ нимъ спѣшно утвердити рѣчь и всѣмъ сердцемь взискати Бога... да и ты, приведъ я подвигомъ своимъ въ Божій разумъ, приимеши мъзду свою въ того мѣсто, вьсии вѣкъ и вьбудущіи, за вся тыи душа, хотящая вѣровати въ Христа Бога нашего отъ ныня и до кончины, и память свою оставляя прочимъ родомъ, подобно Костянтину, царю великому.»

Путь равноапостольныхъ братьевъ шелъ безъ сомнѣнія по Дунаю. По низовью дунайскому простиралось преимущественно царство булгарское. Булгаре, какъ пришлые съ востока завоеватели, такъ туземцы-славяне, большею частію были язычники. Царь Борисъ преклонился предъ св. Меѳодіемъ. Говорятъ, что Меѳодій развернулъ предъ

нимъ картину страшнаго суда, до того поразившую царя Бориса, что онъ попросилъ крещенія и рѣшился бороться съ упорствомъ своего народа. Сѣмя было брошено въ Болгаріи.

Моравскій Ростиславъ принялъ братьевъ съ великою честію, и собравъ далъ имъ учениковъ въ ученіе. Константинъ и Меѳодій научили моравянъ «всему чину, утрени, обѣднѣ и вечерни, повечерницѣ и тайной службѣ, и отверзошася, по пророческому слову, уши глухыхъ услышати книжная словеса, и языкъ яснъ бысть гугнивымъ». Моравскіе князья освободили до 900 плѣнныхъ грековъ изъ уваженія къ ходатайству учителей.

Народъ былъ радъ, но явились и противники, латинскіе священники, которыхъ права нарушали братья, и которые, имъ учащимъ и священнодѣйствующимъ, оставались не при чемъ. Славянскій языкъ, непонимаемый ими ни мало, тогда, какъ теперь, былъ имъ въ особенности противенъ, и они старались всѣми силами препятствовать новымъ проповѣдникамъ. Ихъ сторону брали также нѣкоторые туземцы, обличаемые въ своихъ лжеученіяхъ.

Несмотря на всѣ препятствія, братья ревностно трудились. Четыре съ половиною

года пробыли они здѣсь, переходя изъ области въ область, проповѣдуя Слово Божіе, уча народъ на его родномъ языкѣ,—и ради быша словене слышаще величіе Божіе своимъ языкомъ.

Когда Константинъ изъ окрестныхъ странъ, заселенныхъ искони племенами славянскими, пришелъ въ Венецію, накинулись на него тамъ латинскіе епископы, священники и монахи, какъ враны на сокола, съ упреками: какъ смѣлъ ты сотворить словянамъ книги, и учить ихъ, когда ни апостолъ, ни римскій папа, ни Григорій Богословъ, ни Іеронимъ, ни Августинъ, этого не сдѣлали? Тремя языками только можно славить Бога: еврейски, еллински, латински.

Философъ отвѣчалъ на ихъ возраженія: развѣ дождь идетъ отъ Бога не на всѣхъ равно? развѣ солнце сіяетъ не на всѣхъ равно? развѣ не всѣ мы равно дышемъ воздухомъ? какъ же вамъ не стыдно только три народа допускать до славословія Божія? За что прочимъ народамъ велите быть слѣпыми и глухими? Скажите мнѣ—или Богъ немощенъ, что не можетъ сего имъ дати? Или Богъ завистливъ, что не хочетъ того дати? Мы знаемъ многіе народы, умѣющіе книгамъ и воздающіе хвалу Богу

своимъ языкомъ, а именно: армяне, персы, готфы, турки, козары, аравляне, сирійцы и прочіе. Если не хотите принять моихъ словъ, такъ познайте по крайней мѣрѣ въ книгахъ судію. Давидъ вопіетъ: пойте Господеви вся земля... пѣснь нову... Хвалите Господа вси языци, похвалите его вси людіе... И всяко дыханіе да хвалитъ Господа. Въ евангеліи же сказано: шедше убо научите вся языки. И Марко паки глаголетъ: шедше въ весь міръ, проповѣдите евангеліе всей твари... Знаменіе же вѣрующихъ... Именемъ моимъ бѣсы изженутъ, языки возглаголютъ новы... Глаголемъ тоже и къ вамъ: горе вамъ, книгочія, фарисеи, лицемѣріи, яко затворяете царство небесное предъ человѣки, вы бо не входите, и хотящихъ внити не оставляете. И паки: горе вамъ, книгочія, яко взясте ключъ разумѣнія, сами не входите и хотящимъ внити возбранисте. Къ коринѳяномъ же Павелъ рече: хощу, да вси языки глаголете... Всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Богу Отцу, аминь».

Такими словами посрамилъ Константинъ своихъ совопросниковъ и оставилъ.

Между тѣмъ неудовольствія и жалобы дошли до Рима. Папа римскій, Николай,

ревнивый къ сохраненію своей власти, позвалъ равноапостольныхъ мужей къ себѣ на судъ. Отказываться было невозможно: Моравія и Паннонія, гдѣ они проповѣдывали, принадлежали искони къ римскому приходу. Раздѣленіе церкви тогда еще не выразилось до такой степени, чтобъ принадлежащіе къ одной отвергали совершенно другую. Братьямъ нужно было еще посвятить учениковъ своихъ. Вызовъ папы согласовался съ правилами общепринятыми и общепризнанными. Святые мужи знали чѣмъ угодить папѣ и снискать его благосклонность и покровительство. Они понесли къ нему въ Римъ мощи, ими найденныя въ Корсунѣ, святаго Климента, папы римскаго. Что могло быть для преемника его вожделеннѣе такого драгоцѣннаго приношенія!

Со всѣми гражданами, неся зажженныя свѣчи, въ полномъ облаченіи, вышелъ Адріанъ, преемникъ скончавшагося незадолго предъ тѣмъ Николая, на встрѣчу къ Константину и Меѳодію. Это было въ 867 году.

Папа принялъ книги словенскія и положилъ ихъ въ церкви св. Маріи; онъ отслужилъ литургію вмѣстѣ съ братьями, и повелѣлъ епископамъ Формозу и Гонрдиху посвятить изъ приведенныхъ учениковъ

трехъ поповъ и двухъ анагностовъ. По ихъ посвященіи, совершена была литургія на славянскомъ языкѣ въ церкви св. Петра, на другой день въ церкви св. Петронеллы, на третій въ церкви св. Андрея, и наконецъ у великаго учителя языческаго, апостола Павла, въ сослуженіи св. Арсенія епископа и Анастасія библіотекаря.

Константинъ недолго утѣшался успѣхомъ своихъ трудовъ: онъ занемогъ, облекся въ иноческій образъ, принялъ имя Кирилла, и чрезъ пятдесятъ дней болѣзни скончался сорока двухъ лѣтъ отъ роду, 14 февраля, 869 года.

Современное житіе сообщаетъ предсмертную его молитву: Господи Боже мой... послушай моея молитвы, и вѣрное твое стадо сохрани, ему же мя бѣ приставилъ неключимаго и недостойнаго раба твоего, избавляя вся отъ всякія безбожныя и поганскія злобы, и отъ всякаго многорѣчиваго и хульнаго еретическаго языка, глаголющаго на тя хулу, погуби триязычную ересь и возрасти церковь свою множествомъ, и *вся въ единодушіе совокупль, сотвори изрядны люди, единомысляща о истиннѣй вѣрѣ твоей и правомъ исповѣданіи*, вдохни же въ сердца ихъ слово твоего ученія: твой бо есть даръ. Аще ны еси пріялъ

недостойныя на проповѣданіе евангелія Христа твоего, острящаася на добрая дѣла, творяща угодная тебѣ, еже мнѣ бѣ далъ еси, яко твое, тебѣ предаю. Устрой я сильною десницею твоею, покрывая кровомъ крилу твоею, да вси хвалятъ и славятъ имя Отца и Сына и Святаго Духа въ вѣки. Аминь».

Брата своего Меѳодія убѣждалъ онъ не оставлять начатаго дѣла: се, брате, супруга бяхове, едину грazду тяжаща, и азъ на лесѣ (рядъ, гряда) падаю, свой день скончавъ, а ты любиши гору вельми, то не мози горы ради оставити ученія своего, паче же можеши кымъ спасенъ быти.

Папа повелѣлъ всѣмъ грекамъ, бывшимъ въ Римѣ, и всѣмъ римлянамъ «съ свѣщами сшедшесь, пѣти надъ нимъ и сотворити провожденіе ему, какъ бы самому папежу.»

Меѳодій хотѣлъ взять съ собою останки брата, чтобъ положить ихъ въ своемъ монастырѣ, по завѣщанію матери, и просилъ о томъ позволенія папы, на что тотъ и согласился, приказавъ положить тѣло Кирилла въ гробъ и забить гвоздями железными для приготовленія въ путь. Но епископы римскіе убѣдили его перемѣнить рѣшеніе. Богъ привелъ его, ходившаго по многимъ землямъ, сюда, и здѣсь душу его

изъялъ: здѣсь достоитъ ему и лежати.— Адріанъ сказалъ: да будетъ такъ; за святыню его и любовь преступлю обычай Римскій, погребу его въ своемъ гробѣ, въ церкви святаго апостола Петра. Меѳодій отвѣчалъ: Если вамъ неугодно послушать меня, и отдать его мнѣ, то молю васъ положить его въ церковь св. Климента, съ которымъ онъ пришелъ сюда. Папа соизволилъ. Епископы, чернецы, священники и народъ, собрались въ церкви св. Климента,-хотѣли раскрыть гробъ, чтобъ увидѣть цѣло ли тѣло, но никакъ не могли поднять крышки, и положили въ гробницу, по правую сторону алтаря, гдѣ онъ и до сихъ поръ почиваетъ.

Въ XIV столѣтіи папа принесъ въ даръ императору Карлу IV, имѣвшему свое пребываніе въ Прагѣ, кость отъ его руки.

Отъ этой кости канoникъ Пешина въ 1835 году отдѣлилъ частицу для списателя сихъ строкъ, которую онъ, съ собственноручнымъ свидѣтельствомъ пражскаго пресвитера принесъ въ даръ Московскому университету, при торжествѣ его столѣтія въ 1855 году.

Мы окончимъ наше повѣствованіе, руководствуясь изслѣдованіемъ высокопреосвященнаго Филарета, архіепископа черниговскаго;

о послѣднихъ судьбахъ Меѳодія и его равноапостольныхъ подвигахъ.

Исполняя завѣщаніе брата, Меѳодій возвратился къ славянамъ. Но нѣмцы взволновали славянъ междоусобіями (869—871), и погубили Ростислава; Меѳодій, уклоняясь отъ политическихъ бурь (въ 870 г.), прибылъ съ учениками въ Паннонію, и князь благосклонно принялъ его въ Мосбургѣ (Салаварскомъ замкѣ). Коцелъ просилъ папу посвятить Меѳодія въ архіепископа паннонскаго, желаніе его было исполнено. Но нѣмецкое духовенство (въ 872 г.) еще болѣе раздражилось тѣмъ: оно стало преслѣдовать Меѳодія со всѣмъ ожесточеніемъ. Оно возстановило противъ него германскаго императора и моравскаго князя, Святополка. Дѣло доведено до того, что Меѳодій отправленъ былъ въ заточеніе, гдѣ пробылъ цѣлые два года съ половиною. Папа Іоаннъ VIII возвратилъ (874 г.) Меѳодію власть его, писалъ въ его защиту къ Людовику и Карломану, а своевольнымъ епископамъ объявилъ запрещеніе совершать службу.

Наконецъ и моравскіе славяне увидѣли, что нѣмецкіе епископы мало думаютъ о власти истины Христовой, а ищутъ власти только для себя надъ ними, подавляя между ними славянское богослуженіе. Они

прогнали ихъ отъ себя и просили папу прислать имъ архіепископа Меѳодія. И Меѳодій объявленъ архіепископомъ Моравскаго государства. Съ того времени, говоритъ очевидецъ, ученіе божественное быстро стало распространяться, язычество и суевѣрія изчезали, самое государство Святополка росло и цвѣло.

Но нѣмцамъ не было дѣла ни до успѣховъ вѣры, ни до успѣховъ государства. Они никакъ не могли простить Меѳодію потерю власти и доходовъ своихъ, бросились въ Римъ и тамъ донесли, что Меѳодій— отступникъ вѣры, не исповѣдуетъ происхожденія Духа Св. и отъ Сына, не проповѣдуетъ не только вселенской власти папы, но даже зависимости своей отъ папы, и потому-то распространяетъ славянскую службу.

Папа Іоаннъ (наслѣдовавшій Адріану) не могъ быть встревоженъ доносомъ о несогласіи Меѳодія съ нѣмцами въ догматѣ Св. Духа, потому что самъ исповѣдывалъ сей догматъ, согласно съ п. Фотіемъ и Св. Меѳодіемъ.

Но онъ встревожился за власть свою надъ Моравіей. Въ 878 году, вопреки прежней своей волѣ, онъ запретилъ славянскую службу, а въ слѣдующемъ году, повторивъ запрещеніе, вызвалъ Меѳодія въ Римъ.

Нѣмцы торжествовали; они явились въ

Моравію и объявили, что Меѳодій лишенъ власти и Моравія предана имъ.

Но Меѳодій объяснился съ папою удовлетворительно, на римскомъ соборѣ въ 880 году, и былъ отпущенъ въ Моравію, какъ уполномоченный надъ всею ея церковію.

Въ греческой и римской церкви, до несчастнаго раздѣленія, символъ вѣры былъ одинаковъ, и на шести первыхъ вселенскихъ соборахъ приняты были обѣ церкви. Меѳодій, въ этомъ отношеніи, могъ, не нарушая совѣсти, показать, что согласенъ былъ съ латинами. Во внѣшнихъ-же обрядахъ церковныя службы, обѣ церкви различались уже нѣсколько столѣтій; но сіи различія считались непринадлежащими существенно къ религіи и не уважатлись.

Меѳодію приданъ былъ въ помощники нѣмецъ, епископъ Вихинъ, который тотчасъ по прибытіи на мѣсто сталъ дѣйствовать противъ него, ссылаясь на тайныя порученія папы.

«Нѣмецкая изобрѣтательность выдумала слухъ, будто патріархъ и императоръ Константинопольской въ гнѣвѣ на Меѳодія за его сближеніе съ папою. Когда же и этотъ слухъ оказался ложью, они обратились опять къ Святополку, чтобы вооружить его противъ Меѳодія».

Святополкъ принялъ сторону нѣмцевъ. «Онъ неохотно слушалъ апостольскія обличенія

Меѳодія слабостямъ его; а нѣмцы всегда льстили слабостямъ его, теперь же стал льстить еще болѣе. Отселѣ Святополкъ сталъ явно оказывать нерасположеніе къ Меѳодію, —и такъ до самаго гроба, Меѳодій, терпѣлъ скорби за апостольскіе труды свои, но не преставалъ трудиться.

Живучи въ Моравіи, онъ озаботился о переведеніи всего священнаго писанія на славянскій языкъ, и совершилъ это великое дѣло съ помощію двухъ поповъ борзописцевъ, начавъ въ мартѣ мѣсяцѣ и кончивъ ко дню Св. Димитрія Селунскаго, 26 октября.

При Меѳодіѣ переведены были также номоканонъ и нѣкоторыя отеческія книги.

Послѣднія извѣстія о немъ относятся къ путешествію его въ Константинополь, неизвѣстно по какой причинѣ, и къ освященію церкви въ Райградѣ 2 іюня, 884 года, около Брно (Брюно).

Среди сихъ апостольскихъ трудовъ Св. Меѳодій скончался въ 885 году, апрѣля 6 дня.

Отпѣваніе его тѣла происходило на трехъ языкахъ: словенскомъ, греческомъ и латинскомъ.

Благодаря неутомимой дѣятельности вмѣстѣ съ незабвеннымъ братомъ его Св. Кириломъ, всѣ славянскія племена, начиная съ Хорваціи и Далмаціи до границъ Польши,

воспользовались славянскимъ богослуженіемъ.

«Моравское государство, широко раздвинутое Святополкомъ, включало въ предѣлахъ своихъ нѣсколько славянскихъ племенъ, а съ распространеніемъ государства Меѳодій распространялъ и святую вѣру».

Чехія съ ея княземъ Боривоемъ, приняли Св. крещеніе по распоряженію Св. Меѳодія (между 870 и 880 г., какъ думаетъ Добровскій). Святая Людмила, крещенная учениками Меѳодія, по свидѣтельству перваго лѣтописателя Богеміи Козмы Пражскаго, отдала сына своего Вячеслава научиться книгамъ словенскимъ.

Въ Польшѣ, есть извѣстіе, Меѳодій еще прежде увѣщавалъ надвислянскаго князя принять христіанство, и тотъ принялъ его. Князь-Мечиславъ былъ обращенъ чехо-моравскими учениками Св. Меѳодія.

О словенской Меѳодіевой литургіи въ Далмаціи свидѣтельствуетъ древній діоклейскій священникъ.

«Сѣмена разумнаго благочестія и православія, щедро посѣянныя Кирилломъ и Меѳодіемъ въ обширныхъ юго-западныхъ поселеніяхъ славянскихъ, послѣ нихъ постепенно глохли вслѣдствіе нѣмецкихъ и латинскихъ происковъ. Ученики Меѳодіевы

должны были искать себѣ убѣжища въ Болгаріи, подъ мирнымъ кровомъ восточнаго патріарха. Тамъ нѣсколько времени продолжалось дѣланіе святыхъ братьевъ, и оттуда перешло по наслѣдству въ наше отечество.

Ко времени Св. Меѳодія или его преемниковъ относятся переводы словъ Св. Григорія Назіанзина и толкованій Ѳеодорита на псалмы, принадлежащіе, судя по языку, первымъ временамъ славянской письменности. Переводъ 4 словъ Св. Аѳанасія противъ аріанъ, сдѣланъ въ 906 г. Константиномъ, епископомъ болгарскимъ, «ученикомъ Меѳодія». Выборъ поученій на недѣльные дни года, изъ толкованій свят. Златоуста на евангеліе (37 бесѣдъ), и частію изъ писемъ Исидора (5 бесѣдъ), составленъ тѣмъ-же Константиномъ, съ собственными вступленіями и заключеніями.

Ему-же надобно приписать предисловіе «Константина блаженнаго учителя» къ четыремъ евангеліямъ, расположеннымъ по ихъ порядку и въ полномъ ихъ видѣ.

Въ предисловіи псалтыри XIII в. является переводчикомъ «мнихъ Савва,» по всей вѣроятности ученикъ Кирилла и Меѳодія.

Іоаннъ ексархъ болгарскій перевелъ многія сочиненія Дамаскина.

Св. Климентъ, получившій отъ своего

ученика-біографа названіе краснорѣчивѣйшаго, писалъ а) «простыя и ясныя слова на всѣ праздники»; б) сочинялъ «похвалы» Богоматери, св. Предтечѣ, пророкамъ, апостоламъ, мученикамъ и другимъ отцамъ; в) писалъ «повѣтствованія о святыхъ»; наконецъ, г) предъ смертію перевелъ съ греческаго на славянскій языкъ цвѣтную тріодь. Донынѣ отысканы по рукописямъ слѣдующія сочиненія св. Климента: а) «поученія на воскресный день, на день апостольскій, на день святаго; б) похвальныя слова: на успеніе Богоматери, Іоанну Крестителю, св. Захарію, св. Лазарю, св. м. Димитрію, архистратигамъ, св. Клименту римскому, св. Кириллу славянскому, «славнымъ учителямъ славянъ, переложившимъ в. и н. завѣтъ на ихъ языкъ, блаж. Кириллу и Меѳодію»; в) два житія—одно св. Кирилла, учителя славянъ, другое—«св. Меѳодія архіепископа моравскаго», которыя послужили главнымъ источникомъ предложенной статьи, вмѣстѣ съ изслѣдованіями Добровскаго, Шафарика, Горскаго, и архіепископа Филарета.

